

Урожайный Детский

Наталья Александрова

Басейн

в гареме

Детектив-любитель Надежда Лебедева

Наталья Александрова

Бассейн в гареме

«Автор»

2001

Александрова Н. Н.

Бассейн в гареме / Н. Н. Александрова — «Автор»,
2001 — (Детектив-любитель Надежда Лебедева)

Чтобы доказать девушке, что он способен на поступок, Денис среди бела дня похищает из Эрмитажа картину. Далее события развиваются стремительно. Попытки овладеть картиной приводят к настоящей войне между криминальными группировками, но самое удивительное – вместо одной картины появляются то ли три, то ли четыре... Только вмешательство детектива-любителя Надежды Лебедевой путает преступникам все карты. В основу сюжета легли реальные события, связанные с похищением из Эрмитажа картины французского художника Жерома. Книга выходила под названием «Дегустация волшебства».

© Александрова Н. Н., 2001

© Автор, 2001

Наталья Александрова

Бассейн в гареме

Антон Филаретович посмотрел в глазок и, узнав племянника, загремел замками и засовами. Для старика, владевшего одной из самых значительных частных коллекций в городе, английский принцип «Мой дом – моя крепость» был не пустым звуком.

– Здравствуй, Васенька, проходи! – Старик посторонился. – Если не возражаешь, выпьем чаю на кухне, а то в гостиной у меня офорты разложены, примоститься негде.

– Хорошо, дядя Тоша. – Молодой человек бросил взгляд на свое отражение в ампирном зеркале, пригладил волосы и пошел по коридору. – Я вам конфет принес, «Грильяж», вы любите.

На кухне тоже трудно было примоститься: все свободное пространство занимали немецкий фарфор, китайская керамика, альбомы репродукций и специальные монографии. Смахнув со стула несколько книг, Антон Филаретович усадил племянника, включил электрический чайник и с гордостью показал на красующуюся в центре стола невзрачную темно-коричневую чашку:

– Посмотри, Васенька, какая прелесть.

Вася пожал плечами. Коллекционер взглянул на него с сожалением и проговорил:

– Жаль, что ты слеп к прекрасному... Это японская чашка для чайной церемонии, так называемый черный раку. Шестнадцатый век. Старый Левантович отдал ее мне, зная мою любовь к восточной керамике. Посмотри, как она совершенна! В ней воплощены все четыре принципа японской эстетики – саби, ваби, югэн и сибуй, то есть простота, целесообразность, недоговоренность и первозданность.

– Дорогая? – осведомился практичный Василий.

– Почему ты все меришь только деньгами? – Дядя поморщился, но тут же добавил: – Но вообще-то она очень дорогая, не меньше пятидесяти тысяч...

– Долларов? – присвистнул племянник.

– Ну не тугриков же!

– Что же Левантович ее отдал?

– Не все измеряется деньгами! – повторил старик с пафосом. – Впрочем, вашему поколению этого не объяснить. Левантович умирает, ему осталось не больше месяца. Падчерица у него – невероятная стерва, распродаст коллекцию раньше, чем его похоронят. Вот он и хочет, чтобы хоть что-то попало в хорошие руки...

– Кстати, дядя Тоша, – Василий заговорил нарочито нейтральным тоном, но голос его предательски дрогнул, выдавая волнение, – ты не мог бы выручить меня деньгами? Я попал в чрезвычайно неприятную историю...

Антон Филаретович заметно побледнел и напряженным голосом сказал:

– У меня нет денег!

– Да брось, дядя! – Вася огляделся и с фальшивым дружелюбием воскликнул: – Ты же отличный старикан! И все время покупаешь свои черепки, картины и прочую рухлядь! А когда единственному племяннику понадобилось немного денег...

– Немного – это сколько? – спросил коллекционер, вытирая со лба неожиданно выступившие бисеринки пота.

– Ну... не то чтобы совсем немного... я должен одному человеку... очень опасному человеку... несколько тысяч...

– Долларов? – испуганно воскликнул старик.

– Ну не тугриков же!

– У меня нет таких денег! – повторил Антон Филаретович, отводя потемневшие глаза и потирая грудь. – Я очень боялся этого... боялся этого, Вася. Многие мои знакомые рассказывали о том, как родственники... доят их, обирают, требуют денег, заставляют продавать коллекции... Я думал, я надеялся, что у нас до этого не дойдет... Ведь коллекция – это вся моя жизнь.

– Ну, дядя! – Василий говорил с наигранной бодростью, заглядывая в глаза старику. – Никто не покушается на твою драгоценную коллекцию. Я просто влип, мне нужно четыре тысячи – и все, они от меня отстанут...

– У меня нет таких денег! – повторил старик.

Лицо его стало еще бледнее, он откинулся на спинку кресла, вынул из кармана коробочку нитроглицерина.

– Видишь, ты довел меня до приступа.

– Ты сам себя довел! – истерично выкрикнул Василий. – Для тебя твоя поганая коллекция заслонила весь мир! Живешь здесь за десятью засовами, как мышь в сейфе, и ни до чего тебе нет дела! Ты и мать мог бы спасти, если бы денег не пожалел! Нашел бы ей хорошего врача, отправил бы за границу...

– Варе никто не мог помочь! – выкрикнул Антон Филаретович, слепо шаря по столу трясущейся рукой. – Видит Бог, я все делал для сестры, все, что мог! Болезнь обнаружили слишком поздно, на последней стадии...

Неловким движением руки старик столкнул лекарство со стола, попробовал нагнуться за ним, но резкая боль в груди помешала, лишила сил.

– Вася, Васенька! – проговорил он изменившимся голосом. – Помоги мне, подай лекарство...

«Врет все про мать, жадина несчастный! – думал Вася. – Как узнали, что у нее рак, так он сразу – безнадежно, безнадежно! Для родной сестры денег пожалел...»

Племянник опустился на колени, пошарил под столом и вдруг замер, пораженный внезапной мыслью.

– Оно куда-то закатилось, – сказал он сдавленным, чужим голосом.

– Вызови... вызови «неотложку»...

– Сейчас. – Василий поднялся на ноги, бросив взгляд на землистое лицо дяди, прошел в прихожую, снял трубку и, прижимая пальцами кнопку отбоя, сделал вид, что набирает номер. Потом долго и убедительно перечислял в мертвую трубку симптомы дядино самочувствия, дважды повторил адрес, вернулся на кухню.

Антон Филаретович дышал медленно и осторожно, как будто делал трудную и ответственную работу, лицо его заливала мертвенная, серая бледность.

– Что... что они сказали? – с заметным трудом спросил он между неровными болезненными вдохами.

– Приедут, скоро приедут! – ответил племянник с неестественным энтузиазмом. – Потерпи еще полчаса.

– Пол... полчаса... это много... – проговорил старик, преодолевая боль. – Посмотри еще... на полу... может быть, найдешь...

Василий снова встал на четвереньки, нашел трубочку лекарства и затолкал ее поглубже, еще пошарил под столом и выбрался красный и смущенный.

– Нет, не могу найти!

– Ты... ты... не врешь? – В выцветших глазах старика слабой искрой вспыхнула подозрительность. – Посмотри... в кабинете... в письменном столе... там есть еще... нитроглицерин... – И добавил слабым голосом в спину уходящему племяннику: – Ничего... больше там... не трогай...

Василий вошел в кабинет, выдвинул верхний ящик, сразу увидел лекарство, но и не подумал доставать его. Один за другим выдвинул остальные ящики, равнодушно перерыл письма, документы, наткнулся в глубине второго ящика на тощую пачку долларов, пересчитал, пренебрежительно скривился и сунул деньги в карман. Такая сумма никак не решала его проблем.

– Что... что ты делаешь? – донесся с кухни сдавленный дядин голос. – Почему... почему ты не идешь?

«Ничего, – подумал Василий, – помучайся немножко! Мать дольше мучилась, заснуть не могла без укола».

Он вспомнил три месяца бесконечных мучений, запах больной, умирающей плоти, ампулы на блюдечке. Из больницы мать выписали, когда поняли, что она безнадежна. Дядя давал какие-то деньги, этими деньгами оплачивали медсестру, которая приходила колоть наркотик, без него боль была нестерпимой, но ни на что большее денег не хватало...

Василий скользнул взглядом по плотному голубому конверту, взял его в руки, задвинул последний ящик и отошел от стола. Конверт был заклеен, невозможно было определить на ощупь, что в нем находится.

– Вася! Васенька! Почему ты не идешь? – донесся слабеющий голос старика.

Василий машинально сунул конверт в карман и, движимый трудно определимым чувством, вернулся на кухню. Дядя полулежал в кресле, руки его безвольно свисали с подлокотников, лицо стало совершенно серым, а губы приобрели странный синеватый оттенок. Такими же были губы матери перед самой смертью.

«Ты легко отделаешься, – подумал племянник, – всего каких-нибудь полчаса. Это легкая смерть. Мать умирала три месяца».

– Где... – еле слышно прошептал старик, – где... лекарство?

– Я его не нашел, – ответил Василий спокойно, глядя ему прямо в глаза.

– За что? – проговорил Антон Филаретович с ужасом. – За что? – И взгляд его остекленел, челюсть отвисла, по телу пробежала чуть заметная судорога, и старый коллекционер умер, не получив ответа на свой последний вопрос.

Василий отшатнулся, будто его ударили. Он едва не заплакал и с трудом заставил себя отвести глаза от мертвого дядино лица. В следующую секунду им овладела нездоровая суетливая деловитость. Оглядевшись вокруг, он под воздействием неожиданного импульса схватил японскую чашку, завернул ее в шелковый платок и спрятал в карман. Собрался было стереть отпечатки пальцев, но тут же охладел к этой идее – он часто бывал у дяди и почему бы здесь не быть его отпечаткам, скорее, их отсутствие может показаться подозрительным.

Разумнее всего было бы сейчас вызвать «неотложку» и дожидаться ее, но он не мог действовать разумно, ему страшно было оставаться возле трупа, да и не смог бы правильно себя вести с врачом, слишком был взвинчен...

Он пометался еще по квартире и наконец, увидев на гвозде возле двери связку ключей, решил уйти – не был здесь сегодня, ничего не знает, совершенно ни при чем.

Выскользнул из квартиры, запер дверь на три замка. К счастью, никого не встретил на лестнице, чуть не бегом добрался до Фонтанки и, оглядевшись по сторонам, бросил ключи с моста в темную маслянистую воду.

– Сеня, волоки еще пива! – крикнул через плечо Муса и, развернувшись к компании, закончил байку: – Нет, блин, это мы вас приветствуем на борту нашего самолета!

Рыжеволосая дебелая Оксана захохотала громким вульгарным смехом, нарочно трясая белыми пышными телесами. Она бесстыдно развалилась на деревянной скамье, переводя развратные зеленые глаза с одного мужчины на другого. Женя, худощавая темноглазая шатенка, с нарочитой стыдливостью куталась в простыню, сидела, потупив глазки, смеялась на анекдоты

тихо, деликатно – такой уж у нее стиль. Надо сказать, на Гошу она действовала сильнее, чем вульгарная Оксана – известно ведь, что в женщине должна быть загадка. Даже в шлюхе.

Георгий Сергеевич Фиолетов, для хороших знакомых Гоша, впервые в жизни был в бане с девочками. Его пригласил давний знакомый Андрюша Шмыгун, сокращенно – Джек, тип несколько скользкий и несколько темный, но обаятельный и денежный. Знакомы они были с детства – раньше жили в одном дворе, а не так давно случайно столкнулись в автомастерской, где Гоша в который раз чинил свою раздолбанную «восьмерку». Конечно, сотруднику Эрмитажа, такому как Гоша, подобного рода купеческие развлечения не по карману, и когда Джек позвал его, Гоша поморщился и сказал, что бабы ему осточертели. Джек понимающе ухмыльнулся и пояснил:

– Халява, сэр! Один большой человек гуляет, обмывает успешную сделку. А он уважает умных людей... Вот ты у нас за умного и сойдешь! – Джек захохотал собственной, как ему показалось, удачной шутке.

Большой человек оказался маленьким кривоногим татаринком по имени Муса с обвислыми усами и колючими, холодными глазками. Он непрерывно рассказывал анекдоты, сам почти не смеялся, но внимательно и с интересом наблюдал, как смеются другие. Гошу упорно называл профессором и обращался к нему чрезвычайно вежливо. Вздвинутому непривычной обстановкой, выпивкой и женщинами Гоше льстила эта уважительность. Он хотел казаться значительным, важным, причастным к каким-то тайнам.

Оксана, преувеличенно громко смеясь, вскочила со скамьи, трясая задом, пробежала к бассейну и бултыхнулась в него, обдав компанию брызгами. Гоша перехватил Женин презрительный взгляд, улыбнулся ей одними глазами. Женя под села к нему поближе, пригнулась, коснувшись грудью, проворковала в самое ухо:

– Ты правда профессор? Я думала, они все старые, а ты молодой и симпатичный!

Гошу бросило в жар, он облизнул губы и пробормотал:

– Ну, не совсем профессор, я кандидат вообще-то... В Эрмитаже работаю...

– Как интересно! – Женя придвинулась еще ближе, простыня ненавязчиво сползла с плеча, открыв маленькую смуглую грудь.

Появился Сеня с новым ящиком «Хейникена», Муса вынул из складок простыни пистолет и ловко, краешком ствола, сорвал крышки с нескольких бутылок. Джек нырнул за Оксаной в бассейн, и оттуда послышалось довольное повизгивание. Муса протянул Гоше открытую бутылку и с интересом спросил:

– А что, каждая картина в Эрмитаже на сигнализации?

Гоша неожиданно очень сильно опьянел. Комната закачалась перед ним, никак не наводясь на фокус. Женя слегка прикусила мелкими острыми зубами мочку Гошиного уха. По позвоночнику пробежала сладкая щекотная волна. Хотелось смеяться, говорить, показать, какой он крутой...

– Какая сигнализация! – Гоша презрительно хмыкнул. – Знающий человек, если надо, любую картину может вынести! Тех, что в запасниках, вообще двадцать лет не хватает! А можно даже из зала, сигнализации почти нигде нет!

– Правда? – недоверчиво шептала Женя, мягко и уверенно укладывая его на скамью, прикасаясь к шее и груди сухими горячими губами.

Муса слушал внимательно, не перебивая, смотрел, прищурившись холодными маленькими совершенно трезвыми глазами.

Оксана выбралась из бассейна, уселась на его краю. Гоша скосил на нее взгляд. Эта картина что-то напомнила ему: мозаичная плитка, квадратный бассейн, сидящая на его краю нагая женщина с распущенными волосами...

Алевтина Петровна вздрогнула и открыла глаза. Ах, как неприлично, чуть не заснула. Что-то сегодня ломит в висках и голова тяжелая – видно, реакция на погоду. Да весной всегда плохое самочувствие, а шестьдесят шесть лет – не шутка. Хотя, конечно, таких лет ей никто не даст. Главное в ее возрасте – это быть всегда подтянутой и не распускаться. И одеваться прилично. То есть не обязательно дорого, но прилично и аккуратно. Спина у нее все еще относительно прямая – не даром в детстве мать привязывала деревянную дощечку, чтобы она поддерживала лопатки в сведенном состоянии, – и фирменный зеленый пиджак сидит на фигуре очень даже неплохо. Во всяком случае, совершенно не так, как на этой толстухе Федре.

Да, с пиджаком-то все в порядке, а вот с обувью... Заметив, что в зал вошел посетитель, Алевтина Петровна сдержалась и не посмотрела вниз, на ботинки. Правый давно ее беспокоил. Эта складка на сгибе... кажется, она понемногу превращается в дырку. Да, с тех пор как соседский мальчишка Димка наступил ей на ногу в темном коридоре, правый ботинок определенно стал пропускать влагу. Димка, конечно, извинился, но ботинок его извинений не принял. И теперь, как ни замазывай кремом, вода, как говорится, дырочку найдет.

Алевтина Петровна украдкой оглянулась и потянулась на стуле, после чего обвела взглядом зал. Все в порядке, все надоевшие экспонаты никуда не делись. С ее места были видны ярко одетые арабы на фоне горного пейзажа, две молоденькие девушки, подслушивающие под дверь. На лице младшей испуг – знает, что поступает нехорошо, а старшая уже преодолела свой страх и жадно прильнула к шелке. А рядом две картины одного художника. На одной – классический сюжет: голая красавица стоит на помосте и закрывается от стыда рукой. А снизу уже тянут к ней руки с деньгами алчные купцы, богато одетые по-восточному. Название картины читать не надо – и так ясно: «Продажа невольницы». Алевтина Петровна перевела взгляд на следующую картину. Квадратный бассейн, мозаичная плитка на полу и обнаженная женщина с длинными волосами, сидящая на краю бассейна...

Народу в зале сейчас никого. А если кто и забредет случайно, как этот только что, то торопятся пройти мимо. Франция, середина XIX века, этот период мало кого интересует. В будние дни приходят студенты – тихо сидят, копируют картины. Иногда кто-то с ней поболтает от скуки. Рядом к импрессионистам народ часто заглядывает. Экскурсии даже бывают тематические – из художественной школы, например. Там хоть и дети, а все же покультурнее, знают, как в Эрмитаже себя вести, привыкли. Хуже всего стада туристов, что прибывают на автобусах со всей страны. Толпятся, глазают по сторонам, ногами топают. А уж детки-то не приведи Господь! Если написано «Руками не трогать!», так им обязательно нужно тронуть. Прямо хоть нарочно наоборот пиши! Иностранцы тоже не лучше. Шумят, галдят, топают, смеются! Но дисциплинированные, экскурсовода слушают, не отвлекаются.

Однако такого туриста на третий этаж и калачом не заманишь. Все норовят Тронный зал смотреть да часы «Павлин». Или еще Рубенса с Рембрандтом посетить. А у них здесь тишина, никто не беспокоит. С одной стороны, это хорошо, а с другой – вот, чуть не заснула, а это правилами категорически запрещается. Но будем надеяться, что никто не заметил.

– Алевтина Петровна! – на пороге зала стояла старушка в таком же зеленом пиджаке. – Идемте чай пить!

– А что, уже пора? – фальшиво спохватилась Алевтина.

На самом деле ей давно уже хотелось есть – утром соседское семейство по причине субботнего дня шумно и долго завтракало на кухне, и Алевтина Петровна смогла только вскипятить чайник. И хоть она выпила большую чашку чаю, положив в него целый пакетик «Липтона», и съела булочку с маком и половину сливочного сырка, есть хотелось ужасно.

– Да как же я пойду! – Алевтина суетливо огляделась. – Меня Любочка обещала подменить...

– Да она у Федры в зале сидит! – понизив голос, проговорила сослуживица.

– Ну вы подумайте, а! – всплеснула руками Алевтина. – Ну ведь не ее же сегодня очередь в первую смену идти!

– Конечно, – закивала приятельница, – но я сама слышала, как она Любочку переманила. Посидите, кричит, за меня, а то есть хочу – прямо умираю!

– Как будто другие не умирают! – проворчала Алевтина Петровна, но прикусила язык: не дело это – уподобляться толстухе Федре. Алевтина пыталась убедить окружающих, что она мало ест не потому, что денег не хватает, а просто привыкла себя ограничивать, чтобы не растолстеть. Но есть хотелось до головокружения, до боли в желудке. К тому же она терпеть не может остывший чай, уж лучше сырую воду пить! И самое главное: ни в коем случае нельзя спускать Федре, а то она сядет на шею и вообще не будет соблюдать очередность.

«Федра»!.. Алевтина Петровна мысленно скорчила пренебрежительную гримасу. Какая она Федра! По паспорту Федора Васильевна, в прошлом – артистка театра Музкомедии. Какая уж она там артистка – никто не знает, очень давно это было. Утверждает, что и голос был, и поклонники... Сейчас она жутко растолстела, голос пропал, поклонники тоже, остался только сценический псевдоним – Федра. Не дай Бог Федорой назвать – будешь иметь злейшего врага на всю жизнь.

– Так пойдете, Алевтина Петровна? – соблазняла сотрудница. – А после за авансом зайдем, старшая смены в бригадирской выдает. Пока едим, очередь займем...

– Пойду! – Алевтина решительно сдвинула брови и поднялась с места.

Она выглянула в соседний зал. Там тоже никого не было. Алевтина повесила в дверном проеме веревочку, что должно было указывать посетителям, что вход в зал временно запрещен, и удалилась. Правила разрешали такое делать в экстренных случаях.

У лестницы был пост номер один. Там сидела Серафима Семеновна. У нее отекали ноги, поэтому она выбрала этот пост, возле лестницы, – там всегда можно было сидеть. Прямо перед ней находились залы импрессионистов, а слева – те, откуда вышли Алевтина Петровна с приятельницей. Сейчас все дверные проемы в той стороне были завешаны бархатными малиновыми шнурами.

Серафима Семеновна махнула рукой и отвернулась, пристально наблюдая за группой школьников. Двадцать второе марта, начало каникул. Теперь пойдет нервотрепка!

– Только не говорите мне про филармонию! – кричала Федра, громко звеня ложечкой в чайной кружке.

Она попробовала, поморщилась и добавила в чай еще одну ложку сахара, по наблюдению Алевтины Петровны – четвертую.

– Только не напоминайте мне про филармонию! – продолжала Федра. – Туда устроиться нетрудно, то есть, конечно, там своя, особая, каста, но вы понимаете, мы, артисты, всегда найдем общий язык. Но публика такая капризная, с ними мороки не оберешься...

«А по-моему, публика в филармонии очень приличная, – размышляла Алевтина Петровна, прихлебывая чай, – попроситься, что ли, программки продавать или билеты проверять. Там концерты каждый вечер разные, не надоест. Не то что тут – каждый день перед глазами арабы со своими лошадьми да голая девица в бассейне... Но с другой стороны – все-таки публика, перепутают места, пойдет спор из-за билетов, опять же дети ходят...»

Она откусила бутерброд с полукопченой колбасой и жевала медленно, чтобы хватило подольше. Полукопченая гораздо выгоднее – если резать тоненько-тоненько острым ножом, то полпалочки хватает на неделю. Федра же намазала огромный кусок батона неприлично толстым слоем паштета из гусиной печени и сразу отправила в рот половину.

– Звали меня в Музкомедию администратором, – невнятно заговорила она.

Алевтина хотела отпустить ехидное замечание насчет того, что почему бы Федре не устроиться в театр сразу директором, но решила не связываться: все знали, что Федра врет.

Кому она нужна в своей Музкомедии? Максимум билетершей возьмут. Федра жила с семьей сына в большой пятикомнатной квартире и работала в Эрмитаже вовсе не потому, что не могла прожить на пенсию, просто ей не хотелось сидеть с правнуком.

Сейчас Федра, которую некому было остановить, сыто икнула и пустилась в воспоминания о том славном времени, когда и голос еще не сел, и фигура не расплылась, и шикарные мужчины не перевелись. Алевтине Петровне все это надоело, и она поднялась с места.

– Куда же вы, Алевтина Петровна? Вот, съешьте конфетку! – Федра протягивала ей коробку «Грильяжа».

Алевтина Петровна обожала шоколадные конфеты, но грильяж не могла есть по причине... по причине старых протезов. Федре-то на это было наплевать, у нее-то с протезами все было в порядке. Но Алевтина Петровна сочла себя оскорбленной, сухо поблагодарила и отправилась за авансом.

Минут сорок они простояли в очереди, но за деньгами и постоять не грех. Деньги были небольшие, но настроение у Алевтины Петровны все равно улучшилось – если отложить сейчас кое-что, то с пенсии можно будет подумать о новых ботинках.

Глядя поверх немногочисленных посетителей, Алевтина прошагала по лестнице, поболтала с Серафимой Семеновной, но недолго, потому что мимо поста номер один все время шли посетители, прошла в свой зал и сняла с двери бархатный шнур. Что ж, нужно продолжать трудовую деятельность. На часах двадцать минут второго, до закрытия Эрмитажа еще очень много времени. Она уселась на стул, откинулась поудобнее, и глаза рассеянно заскользили по картинам напротив. Вот бедуины в ярких одеждах с кремневыми ружьями стоят, спешившись, слушая пустыню. Вот девчонки подслушивают под дверью, всадники скачут по холмам, пейзажи, портрет княжны Юсуповой... Вот и несчастная невольница страдает от жадных взглядов мужчин...

Но что это? Алевтина Петровна закрыла глаза и тотчас снова их открыла, решив, что зрение ее подводит. На том самом месте, где всегда висела картина с обнаженной женщиной – длинные волосы, квадратный бассейн, мозаичная плитка, – она увидела только пустую раму, а за ней – оштукатуренную стену. Алевтина Петровна подскочила на стуле и устремила к раме мелкими крадущимися шажками. По мере приближения шаги ее замедлялись, и наконец она застыла на месте, тупо глядя на пустую раму. Ноги стали ватными, а руки – тяжелыми, как бревна. Преодолевая слабость, она протянула руку и потрогала холодную стенку. Картины не было. Картина пропала. Средь бела дня ее украли из Эрмитажа – просто вырезали холст ножом из рамы, скатали в трубочку и унесли. Это было невероятно, но факт.

И когда до Алевтины Петровны дошел этот факт, она позабыла все правила и инструкции. На негнувшихся ногах она подошла к двери и закричала тонким голосом:

– Помогите! Грабят!

В ее заявлении не содержалось ни слова правды, потому что картину уже украли, и помочь Алевтине Петровне никто не мог.

Лена отвернулась, чтобы не видеть больше этого безобразия. Какая же она дура, что согласилась пойти с этим ненормальным в Эрмитаж! Уйти бы отсюда, но никак нельзя – оба номерка у него. А там, в гардеробе, совершенно новая куртка, мать ни за что не купит другую.

Лена еще раз поглядела в спину этому клоуну и фигляру, вздохнула и подумала, что она согласилась бы до лета ходить в старой куртке, если бы знала, что больше она никогда его не увидит. Но на улице мороз, хоть и не сильный. Не пойдешь же до дома в тонком свитерочке, так можно и воспаление легких схватить.

Они познакомились две недели назад на дискотеке, куда Лена пошла с подругами после настойчивых уговоров. Как-то не очень ей нравились громкая музыка, запах пота и растекшейся косметики, распоясавшиеся орущие парни. Девчонки тоже теряли голову и громко виз-

жали во время танцев. Некоторые курили травку и глотали какие-то таблетки в туалете. От этих таблеток они приходили в совершеннейшее неистовство и готовы были плясать до утра. После одного-двух посещений Лене стало невероятно скучно на таких сборищах, ее вообще в жизни раздражало все одинаковое и монотонное, было ли это занудливое бормотание химички на уроке или кран на кухне ронял капли с завидным постоянством. Неплохо было прослыть оригинальной, но в разумных пределах. Лена не любила одиночества, поэтому не хотела терять подруг, вот и ходила с ними на дискотеки, не часто, но ходила.

Итак, он высмотрел Лену на дискотеке. Насколько она могла разглядеть в полумраке, внешне он был не так уж плох – высокий, светлые волосы падают на лоб. А что в глазах просматривалась легкая сумасшедшинка, то все они на дискотеке казались слегка с приветом. Услужливая подружка мигом дала ему Ленин телефон, впрочем, Лена была не против.

Потом он звонил и приглашал Лену в кабак в такой хамской форме, что она тут же отказалась. Как видно, он не привык получать отказы, потому что превратил их с мамой жизнь в ад. Он звонил беспрерывно днем и ночью, пока они не отключили телефон. Тогда он вызвал по их адресу милицейский наряд, сообщив, что в квартире произошла пьяная драка с убийством. Менты, злющие как черти, ломались к ним в двери в час ночи, перебудили всех соседей по площадке и успокоились, только когда убедились, что в квартире, кроме Лены и ее матери, никого нет. Соседи тоже подтвердили, что из их квартиры не слышали никакого скандала и тем более пьяной драки.

Лена не знала, что делать. Мама сказала, что с милицией лучше не связываться, тем более Лена оказалась такой душой, что не знает даже фамилии своего дружка и номера его телефона.

На следующий день он явился к Лене в школу как ни в чем не бывало. Он ждал на улице, болтая с ее подружкой, так что невозможно было пройти мимо.

– Если ты думаешь, – ровным голосом начала Лена, глядя в его светлые шальные глаза, – что таким образом сможешь заставить меня пойти с тобой в кафе или ресторан, то глубоко ошибаешься. Странные какие-то у тебя методы...

– Таким способом или другим, но ты будешь делать то, что я захочу! – заявил он.

– Тебе никто ни разу не говорил «нет»? – спросила Лена. – Ты можешь понять, что я не хочу с тобой встречаться?

– Какая разница – хочешь ты или не хочешь! – с обезоруживающей откровенностью выпалил он. – Главное, что я этого хочу, а значит – так и будет!

«Скотина и дурак к тому же! – подумала Лена. – И как это, интересно, он сможет меня заставить?»

– Я буду звонить тебе когда захочу. И встречать у школы и у дома.

– Тебе что – совершенно нечего делать? – поразилась Лена. – Ты нигде не учишься и не работаешь?

– Я очень люблю себя, – серьезно ответил он, – и всегда выполняю свои желания, это для меня главное, всем остальным можно пренебречь.

– Еще и ненормальный к тому же! А знаешь, у нас с мамой может лопнуть терпение. И когда ты в следующий раз вызовешь милицию, я могу рассказать им, что это ты вызываешь их ночью. Конечно, ты упорно скрываешь от меня свою фамилию и адрес, но тебя видели на дискотеке, найдется кто-нибудь там, кто тебя хорошо знает...

Лена запнулась на полуслове, потому что он вдруг громко и искренне засмеялся.

– Девочка, – ласково сказал он, – да ты в каком веке живешь? Оглянись по сторонам! Кто будет заниматься розыском человека, который ничего не сделал! Разумеется, если бы менты застали меня на месте преступления, они бы уж не отказали себе в удовольствии начистить мне морду за ложный вызов. Но искать того, не знаю кого – да больно им нужно! И даже если и найдут, то ничего мне не будет. Я, милая моя, несовершеннолетний...

– Тебе еще нет восемнадцати? – поразились Лена. – Ну надо же, а я думала, что ты взрослый... Как внешность бывает обманчива.

Она со злорадством отметила, как его задело последнее ее замечание. Но потом огорчилась: вот ведь, он добился своего – они идут, разговаривают вполне мирно, он рассказывает о себе.

– Вот видишь, – он как будто прочитал ее мысли, – я говорил, что всегда добиваюсь своего. Поговорим еще немного, и ты пойдешь со мной в кабак.

– Никакие кабаки меня не интересуют! – отрезала Лена.

– А что же тебя интересует? – вкрадчиво спросил он.

– Итальянская живопись эпохи Возрождения! – выпалила Лена, надеясь, что он наконец отстанет.

– Отлично! – обрадовался он. – Значит, завтра идем в Эрмитаж.

– Послезавтра, – сдаваясь, пробормотала Лена, совершенно не представляя, какие ее ожидают неприятности.

Одет он был более-менее прилично – сообразил, что Лена, увидев рядом с собой пугало, тут же повернется и уйдет. Он чинно провел Лену мимо охранников внизу, даже взял ее под руку. Зато потом, когда миновали контроль...

Он сделал вид, что споткнулся и бросился прямо под ноги какой-то немолодой даме весьма плотной комплекции, так что та, чтобы не упасть, вынуждена была схватиться за проходившего мимо мужчину и, навалившись на того всей массой, повалила его на ступеньки. Пока те двое выясняли, кто виноват, Ленин спутник дернул ее за руку и увлек за собой наверх.

В Тронном зале он все порывался пролезть под ограждение и посидеть на троне. И хотя Лена понимала, что он нарочно ее пугает, что в зале много народу и он никогда не решится, она все же испуганно хватала его за руку. Он беспрерывно жевал резинку и прилеплял липкие комочки на бархатные стулья и скамейки. Лену трясло от стыда и отвращения, но что было делать? Какая же она дура, что отдала ему номерок, то есть он сам его забрал. О том, чтобы уйти, не было и речи: на все Ленины уговоры он только смеялся ей в лицо.

В зале с фарфором никого не было – посетители шли мимо. Он быстро увлек Лену в темный угол и показал маленькую круглую коробочку, прикрепленную к стене.

– Знаешь, что это?

– Понятия не имею! – угрюмо буркнула Лена.

– Это сигнализация. А вот какая – на кражу или пожарная, мы сейчас узнаем.

И не успела Лена моргнуть, как он вытащил зажигалку и зажег сигарету, направив струю дыма прямо на коробочку.

– Ты что, с ума сошел? – испугалась она. – Сейчас как зазвенит!

Но ничего не произошло, даже музейная тетенька, находившаяся в соседней комнате, не взглянула в их сторону.

– Либо не пожарная, либо вообще у них тут ничего не работает, – разочарованно пробормотал Ленин спутник и загасил сигарету.

Лена раздумывала: может, закричать? Указать на него служительнице как на злостного нарушителя? Но он без труда убежит от тетки – вон она какая пожилая. И унесет Ленин номерок, а тетка может вцепиться в Лену, и ей же еще достанется.

Они шли по залам, Лена уже не смотрела по сторонам. Он наступал на ноги многочисленным иностранным туристам и, нагло глядя им в глаза, говорил: «Sorry!» Лена плелась сзади, как верная собачонка, и принимала на себя неодобрительные взгляды толпы.

– Хватит! – взмолилась она наконец. – Прекрати немедленно! Зачем ты это делаешь?

– Потому что мне так хочется, – последовал невозмутимый ответ.

Она была не в силах с ним спорить, так устала.

– Пойдем отсюда! – позвала она. – Хорошо, если ты хочешь, я пойду с тобой в кафе.

«Там твое поведение будет более уместно», – добавила она про себя.

– Попроси как следует! – продолжал паясничать он. – Скажи: Денис, милый, дорогой, пожалуйста, пойдем отсюда в кафе, назови меня Денечкой.

– Денечка, милый, дорогой, пойдем отсюда, – послушно повторила Лена, мечтая только добраться до гардероба, а там, в кармане куртки, у нее остался газовый баллончик. Представив, как она нажимает кнопку и едкая жидкость брызжет этому негодяю в лицо, Лена даже зажмурилась.

– Ладно! Вот погуляем еще по третьему этажу и тогда уйдем! – Он потащил несчастную к лестнице.

Лестница была непарадная, маленькая, и там тоже никого не было. Лена думала, что он начнет к ней приставать, полезет целоваться, но этого не случилось. Почему-то такое его поведение не успокоило, а еще больше насторожило. Они поднялись наверх. Прямо перед ними были залы с импрессионистами, и туда как раз направлялась экскурсия школьников, предводительствуемая громкоголосой дамой-экскурсоводом. Длинная анфилада залов слева от лестницы была закрыта для посещений – в каждом дверном проеме висели бархатные шнуры.

– Куда же ты, дорогая? – Он потянул Лену за руку. – Нам туда.

– Но там же закрыто! – возмутилась она. – И потом, что там интересного? Импрессионисты гораздо лучше...

Она осеклась под его взглядом. Разумеется, ему было наплевать на импрессионистов, и на итальянцев эпохи Возрождения, и на Рембрандта. Он пришел в Эрмитаж только чтобы помучить ее, Лену. А она оказалась такой душой, что... ну ладно, это она уже давно поняла.

– Почему это там закрыто? – вкрадчиво бормотал он. – Вот мы сейчас пойдем и посмотрим...

– Я не пойду, – отстранилась Лена, – иди один.

Не следовало ему перечить, потому что он тут же разозлился. Но у нее тоже лопнуло терпение.

– Отдай номерок – и можешь делать что хочешь! – Она нащупала в кармане кошелек, но он тут же с силой выдернул ее руку и отобрал кошелек.

– Вот так, теперь ты никуда не денешься и уйдешь отсюда, только когда я захочу.

– Сволочь! – У Лены из глаз брызнули слезы бессильной ярости.

– Молодые люди! – тотчас окликнула их полная тетка с ногами как тумбы, что сидела на стуле возле лестницы. – Здесь музей, а не базар. Отношения на улице выясняйте.

– Извините, – пробормотала Лена.

– Вот-вот, води себя прилично, а то попадет, – усмехнулся он.

Тетка вдруг прислушалась к тому, что творится в зале у Ван Гога, встала со своего стула и, переваливаясь на ходу, заспешила туда. Денис мигом схватил Лену за руку и поднырнул под бархатный шнурок. Они прижались к боковой стене, так чтобы никто не мог увидеть их от входа.

– Я закричу! – прошептала Лена. – Придет милиция...

– Не закричишь, потому что тебе стыдно. Ишь как покраснела, когда тетка замечание сделала! И прикрывала меня всячески, чтобы никто не заметил. Ах, начнут выговаривать, а может, еще и охранник схватит, через все залы протащит, ах, публика увидит! Ты потому за мной и таскаешься, что уйти не можешь.

– Ты номерок забрал! И деньги!

– Вот, а без куртки тебе стыдно по улице идти, все будут пальцем показывать: вот ненормальная, зимой без пальто!

Лена молчала, потому что он очень верно описал ее состояние.

– А тебе никогда не бывает стыдно? – наконец спросила она, уже зная ответ.

– Никогда! Мне наплевать на них на всех! Могу что хочешь сделать, даже штаны при всех снять!

– Вот как? Ну и чего ты этим добился? – устало сказала Лена. – Рано или поздно нас заметят и выгонят. И как ты верно заметил, ничего такого не сделают. Тоже мне, свободная личность! Делаешь что хочешь! А что ты хочешь-то? Резинку на стулья прилеплять, чтобы людям одежду портить? Предел желаний! Это, извини меня, на уровне детского сада...

Она сразу поняла, что сумела задеть его за живое. Он больно стиснул ее руку, но Лене уже не было страшно. Она посмотрела в его светлые, сейчас очень злобные глаза и четко произнесла:

– Ты – мелкий пакостник. Ни на что серьезное ты не способен!

– А вот это мы сейчас посмотрим, – задумчиво проговорил он и вытащил нож.

Ножичек был маленький, перочинный, так что Лена не удивилась, как ему удалось пронести нож через охрану. Сначала Лена испугалась, что он сейчас ее зарежет, но вскоре поняла, что у него совершенно другие планы. Он пошел вдоль стены, разглядывая картины, одновременно следя, чтобы его не было видно от входа.

– Что ты собираешься делать? – Лена схватила его за руку с ножом. – Разрезать картины? Не нужно, это же варварство!

– Отстань! – Он оттолкнул ее, глаза были совершенно бешеными, и она поняла, что если будет настаивать, он может ранить ее.

– Они на сигнализации, – упавшим голосом пробормотала Лена.

– Проверим... – прошептал он, остановившись возле двух картин.

– Клод Жибер, – прочитал он вслух, – «Продажа невольницы». А это «Бассейн в гареме»? Натурально как художник нарисовал, как будто сам в том гареме евнухом работал...

Лена хотела бежать отсюда куда глаза глядят, чтобы не быть свидетелем того, как этот псих изрежет картину, но, осторожно выглянув из-за статуи, заметила, что музейная тетка уже вернулась из зала Ван Гога и сидит на стуле у лестницы. Выйти незамеченной было никак нельзя. Она закрыла глаза, ожидая, что сейчас зазвенит сигнализация, но ничего не произошло. Никто не прибежал, все было тихо.

Лена открыла глаза и увидела, как ее ненормальный спутник осторожно ножичком вырезает холст возле самой рамы.

– Я выбрал эту, – повернулся он к Лене, – эта красивее, волосы длинные, как у тебя...

Лена окаменела и так и стояла как изваяние, пока он не вырезал картину, осторожно скатал холст в трубку и спрятал под свободный свитер.

– Что ты наделал? – очнулась наконец она от столбняка.

– Потом, – процедил он, – сейчас надо быстрее сматываться. Ты, конечно, можешь остаться... – издевательски добавил он, – побеседуешь тут с милицией...

Лена поняла вдруг, как она его ненавидит, просто до боли в сердце. Но он прав, нужно быстрее уходить отсюда, а уж потом она найдет способ, как с ним расквитаться.

Денис осторожно крался по залам и остановился, внимательно наблюдая за полной служительницей. Она по-прежнему сидела на стуле, вертя головой по сторонам, потому что народу все прибывало.

– Если бегом... – прошептал он одними губами, – когда народу побольше мимо пойдет.

– Бегом нельзя, – возразила Лена, – она может боковым зрением заметить резкое движение.

– Что, так и стоять тут, пока кто-то не войдет?

Лена поняла, что он здорово трусит.

– Тебе же наплевать, – ехидно сказала она, – ты же ничего не боишься...

– Дура! – Он отвернулся.

«И за дуру тоже ответишь», – спокойно подумала Лена.

Музейная тетка снова поднялась, кряхтя, со стула и направилась в залы – что-то там ее насторожило.

Преступная парочка, действуя синхронно, мгновенно проскочила последний зал и пролезла под шнурком.

– Теперь ходу! – чуть не кричал Денис.

– Ты что, хочешь, чтобы нас тут же поймали? – процедила Лена, почти не разжимая губ. – Иди медленно, сделай скучающее выражение лица. Спокойнее надо быть, молодой человек, вы не на базаре.

Она злорадно отметила, что в глазах его блеснула ненависть. Она взяла его под руку и повела, улыбаясь попадавшим по пути охранникам в милицейской форме. Его рука ощутимо дрожала, весь он был натянут как струна.

– Это тебе не резинку на стулья прилеплять... – нежно проворковала Лена ему в ухо, – за это посадят... Картина из Эрмитажа, народное достояние...

– Ты не очень-то выделяйся, – он вырвал руку и смотрел зверем, – ты получаешься соучастница, так что не волнуйся: сядем вместе!

– Может, вообще все свалишь на меня? Скажешь, что это я вырезала картину, а ты меня отговаривал и все порывался позвать тетеньку?

– Если меня возьмут, ты легко не отделаешься! – пообещал он.

«Какая скотина! – тоскливо думала Лена, кураж ее куда-то пропал. – Еще сегодня утром я была нормальным человеком, а сейчас уже стала уголовницей. Навязался на мою голову, придурок ненормальный...»

Лена подумала было, что если бы она не спровоцировала его там, у картины, он бы самостоятельно не решился на такое дело, но тут же отбросила эту мысль: при чем тут она? Он бы все равно что-то такое отмочил, ведь он же абсолютно неуправляемый... Он не испытывает никаких чувств, ему на все наплевать. Впрочем, сейчас он испытывал сильнейшее чувство страха. И это Лену радовало.

Надевая куртку, Лена напомнила ему про кошелек и потом демонстративно пересчитала деньги.

– Как бы не пропали...

На набережной он махнул было рукой, голосуя проезжающим машинам, но Лена удержала его руку:

– Будут искать! Нельзя тут машину брать!

– Да брось ты! Кто запомнит! – Когда вышли из Эрмитажа, страх его пропал и в глазах опять появилась сумасшедшинка.

– Как хочешь! – Лена отвернулась и зашагала в сторону Дворцовой площади. – На машине ты поедешь без меня.

Он догнал ее у самого сквера.

– Ладно, поедem на метро.

– Ты – на метро, а я – на троллейбусе, – отрезала Лена. – И больше мы никогда не увидимся. А картину придется выбросить. Или послать в Эрмитаж ценной бандеролью.

– Там посмотрим! – Он все-таки оставил за собой последнее слово.

* * *

Криков Алевтины Петровны никто не услышал: до лестницы нужно было пройти несколько залов, к тому же там было очень шумно – громко переговаривались иностранцы, экскурсоводы пытались их перекричать, учителя шикали на детей, – неудивительно, что при таком гоме никто не расслышал слабого голоса Алевтины Петровны. И хоть голова кружилась, ноги по-прежнему были ватными и сильно заломило висок, Алевтина Петровна уговорила себя

не падать в обморок – в данном случае это было бессмысленно. Пока еще кто-нибудь заглянет в зал, могут вообще ее на полу не заметить.

С огромным трудом, мобилизовав всю свою несгибаемую волю, Алевтина доковыляла до лестницы, и там силы покинули ее. Она плюхнулась на стул Серафимы Семеновны, благо он оказался свободен. Через минуту появилась сама Серафима и очень всполошилась, увидев свою сослуживицу в таком состоянии:

– Что, что случилось? Алевтина Петровна, дорогая, вам плохо?

Но Алевтина только разевала рот, как щука, выброшенная на берег, а сказать ничего не могла. Серафима Семеновна забеспокоилась не на шутку.

– Товарищи, есть тут врачи? – закричала она посетителям.

Серафима рассказывала, что раньше она работала в доме отдыха массовиком-затейником, но ей мало кто верил – трудно было представить, что при своих габаритах Серафима способна была водить хоровод и плясать «два притопа, три прихлопа». Но сейчас Алевтина Петровна устыдилась своего неверия, потому что Серафима определенно обладала тем голосом, который способен собрать отдыхающих на ежевечерние развлечения, и голос этот был посильнее труб Страшного суда.

Так и сейчас, привлеченные окриком Серафимы, подбежали посетители и совали Алевтине кто валидол, кто нитроглицерин, кто какое-то импортное средство в яркой упаковке. Алевтина поняла, что следует немедленно прекратить панику и снять с себя ответственность за случившееся.

– Не надо ничего, мне уже лучше! – Она твердо отвела тянувшиеся к ней руки. И когда экскурсанты радостно разбежались, обратилась к Серафиме вполголоса: – Пойдемте со мной, посмотрим.

Пока они шли к тому месту, где висела картина, Алевтина Петровна с надеждой думала, что все ей привиделось, что вот сейчас Серафима обведет недоуменно зал и спросит, зачем Алевтина ее сюда притащила, ведь все же в порядке. Но Серафима, увидев пустую раму, громко ахнула и вытаращила глаза. Алевтина Петровна тяжело вздохнула и набрала номер бригадирской.

– У нас несчастье, – пробормотала она в трубку, – картину украли.

– Какую картину? – От неожиданности старшая смены никак не могла сообразить.

– Клод Жибер, «Бассейн в гареме», – послушно объяснила Алевтина.

Когда до старшей дошло, что Алевтина в своем уме, начался форменный кошмар.

Прибежали охранники, с ними старшая смены. Охрана бросила мимолетный взгляд на пустую раму и разбежалась по углам. Наскоро обшарили соседние залы, вполголоса переговариваясь по рации с начальником охраны. Вместо Серафимы Семеновны на пост номер один заступил рослый малый в бронежилете с автоматом. Малиновый шнурочек с дверного проема сняли, и всем интересующимся отвечали, что вход воспрещен.

– Проходите, граждане, не скопляйтесь в проходе, идите к Ван Гог и Гогену! – увещевал бронежилет.

Но гражданам и раньше-то Ван Гог был не очень нужен, а теперь и вовсе стал неинтересен. И не только Ван Гог, а еще и Сезанн, а с ним Ренуар и даже Матисс (целых три зала). Всем посетителям вдруг срочно понадобилось в те самые боковые залы, заполненные так называемой салонной живописью. Разумеется, никто из них и понятия не имел, почему живопись так называется, но интерес к этой живописи в толпе посетителей появился вдруг огромный.

Прибежал начальник охраны Эрмитажа, а с ним хранитель Борис Витальевич, который сразу же набросился на Серафиму, видно, худенькая Алевтина Петровна потерялась на фоне ее габаритов.

– Вы... вы! – насккивал он на Серафиму петушком. – Да как же вы могли...

От волнения он брызгал слюной и никак не мог закончить свою мысль и все время подбегал к пустой раме, тряс ее, заглядывал внутрь и трогал остальные картины, пока начальник охраны не оттеснил его чугунным плечом.

Прошло некоторое время, за которое Серафима и Алевтина успели отчитаться о своих передвижениях. Если верить Алевтине, а у начальства не было причин ей не верить, то картину украли за те полтора часа, что она пила чай и стояла в очереди за авансом. Серафима Семеновна на какое-то заковыристое замечание хранителя Бориса Витальевича тут же хорошо поставленным голосом ответила, что все время приходилось уходить с поста номер один возле лестницы, потому что невыносимые детки хулиганили в зале Ван Гога, а глаз на затылке у нее нету.

Начальник охраны давно уже отдал приказ закрыть все выходы и никого из Эрмитажа не выпускать. Оставалась слабая надежда, что картину еще не успели вынести. Ждали прибытия подкрепления из милиции, чтобы начать повальные обыски.

Пришел начальник отдела французской живописи Григорий Пантелеймонович Преображенский, взглянул на пустую раму и пожал плечами. Профессор Преображенский недавно вернулся из командировки с юга Франции, поэтому был веселый, загорелый и в прекрасном расположении духа.

– Ума не приложу, кому этот Жибер понадобился! – сокрушался он. – Это же не Сезанн и не Матисс, чтобы какой-нибудь сумасшедший коллекционер заказал их для себя в тайную коллекцию. Ну хоть бы Энгра украли, а так – средненький такой художник этот Жибер, кто на него польстился?

– Матисса украсть труднее, там народу больше, – авторитетно возразила Серафима Семеновна.

– Стало быть, вы думаете, что прибрали, так сказать, что плохо лежало, то есть висело? – с любопытством спросил профессор. – Но зачем? Ведь не продать же эту картину никому. – Он снова пожал плечами.

Начались обыски, которые продолжались несколько часов. Несчастных посетителей музея потрошили, как рыбу на заливное. Милиционеры были озлоблены и грубы, потому что им досталась вся первая волна возмущения. К вечеру незадачливые посетители Эрмитажа, в основном экскурсанты из других городов, поминали нехорошими словами милицию, сотрудников Эрмитажа, которые не могут хорошенько следить за народным достоянием, художника Клода Жибера и вообще всех французских художников XIX века, а также проклинали тот день, когда им пришла в голову мысль поехать на каникулы в Санкт-Петербург.

Наконец обыски закончились, картины, естественно, не нашли.

Гоше Фиолетову снилось, что он сидит на лекции профессора Аристархова в Академии художеств и вдруг замечает, что пришел на занятия без штанов. Гоша прикрывает наготу портфелем, забивается в угол, косится по сторонам... Аудитория полна народу, вокруг многие знакомые – кроме тех, кто действительно учился с ним в академии, здесь был профессор Преображенский, его начальник по Эрмитажу, и Джек Шмыгун, и маленький страшный Муса... Кажется, никто не замечал Гошиного позора, только Муса хитро косился на него колючими глазками. Гоше казалось важным досидеть до конца лекции, до звонка... И вот наконец раздался этот долгожданный звонок. Он звонил, звонил и звонил, пока Гоша не проснулся.

Рядом на тумбочке звонил телефон. С трудом приподнявшись, Гоша дотянулся до аппарата, снял трубку.

– Ну ты даешь! – закричал ему в ухо смутно знакомый голос.

– Кто это? – с трудом разлепив губы, прохрипел Гоша.

Он все еще не мог окончательно проснуться.

– Кто-кто – конь в пальто! – веселился голос в трубке. – Ты что же, друзей по утрам не узнаешь? Опять, мерзавчик, вчера резвился? Ну, у тебя повод есть!

– Джек, ты, что ли? – Гоша наконец узнал Шмыгуна. – Который хоть час?

– Да уже половина девятого. Все деловые люди уже на ногах.

– Мне сегодня можно попозже. Чего ты звонишь-то?

– Ну, ловкач, ты меня удивил! Я думал, ты это так ляпнул, перед девками хвост распустил.

А ты и правда решил это сделать! Так ты учти – я в деле!

– О чем ты говоришь?

– Ну, Гошка, я понимаю, лишние люди здесь ни к чему, но без меня тебе не обойтись. Имей в виду, тут многие серьезные люди могут зашевелиться.

– Да о чем ты говоришь-то? – в полный голос закричал Фиолетов.

У него было такое впечатление, что он сходит с ума. Собеседник, кажется, не воспринимал его слов.

– Гошка, не перехитри самого себя. Я вчерашние газеты читал, радио слушал, новости смотрел, так что ты меня за дурака-то не держи. Ладно, ты прав, это разговор не телефонный, я к тебе приеду через час.

– Через два, – на всякий случай поправил Гоша и бросил трубку.

Встав под душ и понемногу сделав воду нестерпимо холодной, он наконец пришел в себя и понял, о чем говорил Шмыгун. Вчерашние газеты, радио, телевидение сообщали о краже картины из Эрмитажа. Клод Жибер, «Бассейн в гареме». И этот идиот Джек вообразил, что он, Гоша Фиолетов, причастен к этой краже! Сумасшедший дом! Как ему такое могло прийти в голову!

Гоша вспомнил баню с девочками и понял как.

Чего он только не наболтал по пьяному делу! Ничего удивительного, что Джек сразу подумал о нем...

Растираясь жестким полотенцем и удовлетворенно побрякивая, он думал, что разубедить Шмыгуна будет непросто.

Наливая себе вторую чашку кофе, он вдруг понял, что разубеждать его не нужно. Из Эрмитажа украли картину. Судя по обстоятельствам кражи, украл ее случайный человек, преступление не было заранее обдумано: Клод Жибер – не тот художник, ради которого сознательно пошли бы на такой риск. Смотровельница случайно ушла из зала, картина была не на сигнализации, какой-то гастролер снял веревочку, вырезал картину – и был таков. Вокруг кражи создалась такая шумиха, что вор не решится эту картину продавать... А вот Джек сразу заинтересовался, и у него наверняка уже есть покупатель. А если есть покупатель – значит, должен быть и продавец. Это при социализме спрос опережал предложение, а у нас теперь капитализм, и предложение уверенно опережает спрос. Продавец всегда найдется, а раз так – почему бы этим продавцом не стать ему, Гоше Фиолетову? Что, нет картины? Да он запросто найдет приличную копию, кому придет в голову проводить экспертизу? Ведь картина украдена прямо из Эрмитажа – какие еще нужны доказательства ее подлинности? Самое главное – он, Гоша, гораздо умнее и образованнее всей этой криминальной и полукриминальной новорусской публики, так неужели он не сможет перехитрить их, убедить в том, в чем нужно, и заставить заплатить ему деньги, настоящие, большие деньги!

При мысли о больших деньгах Гоша не растаял и не впал в маразм, как сделали бы многие другие на его месте, – напротив, мысль о деньгах подействовала на его мозг, как допинг действует на спортсмена. И к тому времени когда в дверь позвонил Джек, план уже окончательно созрел.

– Здорово, Аль Капоне недорезанный! – завопил Джек с порога.

Гоша повертел пальцем у виска, тщательно запер дверь и повел гостя на кухню.

– Во-первых, – начал он, наливая Шмыгуну кофе, – ты долго думал, когда по телефону начал болтать?

– Ну извини, я ничего такого не сказал.

– А что, если все наши телефоны теперь на прослушке? Ну ладно, это отдельный разговор. А во-вторых, если хочешь быть в деле, найди стоящего покупателя.

– Вот это серьезная тема, – кивнул Джек, – значит, картина у тебя?

– Нет, у римского императора Октавиана Августа!

– Ну, парень, ты даешь! – Джек довольно хохотнул. – А картина-то стоящая? Сколько с покупателя запрашивать?

– Вот тут, Джек, начинается самое интересное, – негромко сказал Гоша, отодвигаясь от стола, – начинается то, за что я тебя действительно возьму в долю. Дело в том, что картина эта не бог весть что, третий сорт. – Увидев, как Джек скисает, Гоша продолжил: – Настоящие ценности охраняют посерьезнее, к ним просто так не подберешься. Но мы должны убедить покупателя в том, что предлагаем ему шедевр...

– По-русски говори, – вставил Джек.

– Предлагаем настоящую, реально дорогую вещь. Ну, это не так уж трудно: ведь картина прямо из Эрмитажа, там туфты не держат, это все знают. Нам теперь надо, чтобы кто-нибудь достаточно авторитетный заявил по телику или еще где-нибудь, что эта мазня стоит, допустим, миллион баксов. Тогда у нас ее тысяч за триста за просто купят. Сумеешь ты такое организовать?

Джек смотрел на приятеля с уважительным изумлением:

– Ну, Гошка, ты голова! Здорово придумал! У Мусы кого только нет – найдем какого-нибудь козла посolidнее, он за штуку зеленых все, что хочешь, скажет. Ну, я всегда в тебя верил...

Гоша вдруг замер и присмотрелся к приятелю. Плутоватые глазки Джека помимо его воли шныряли по углам.

– Эй, дружище! – Гоша слегка ударил ладонью по столу. – Ты что это задумал? Ты думаешь, у меня картина дома? И не надейся! Она очень надежно спрятана. Если ты рассчитываешь меня кинуть – лучше сразу отдохни от этой мысли! Запомни, хорошо запомни: картина у меня, и без меня у вас ничего не получится. Это моя операция, тебя, так и быть, возьму в долю, но уж обставить меня и не надейся. Я все продумал и не выпущу дело из-под контроля!

– Что ты, что ты! – Джек сделал совершенно честные глаза и даже вскочил со стула. – Что ты такое подумал? У меня и в мыслях такого не было, за кого ты меня принимаешь? Это твоя тема, ты во всяких картинках разбираешься как бы – что я, не понимаю, что ли? Конечно, у покупателя и доверия к тебе больше будет. Что ты, у меня и в мыслях не было тебя кидать!

– Ну смотри, – примирительно заговорил Гоша, – возможно, мне и показалось, но ты свои глазки-то блудливые притуши. И Мусе своему передай, чтобы и не пытался на меня наезжать.

Про себя Гоша подумал, что самое удачное в сложившейся ситуации – это как раз то, что картины у него нет, иначе ее либо украли бы, либо отняли. А так – попробуй, отними! – как было написано на вкусных шоколадных конфетах советских времен. Нельзя украсть то, чего нет. А вот продать – можно. Продажей того, чего нет, занимались и занимаются во все времена тысячи преуспевающих бизнесменов. Продавали в прежние времена тысячи тонн хлопка, существующего только на бумаге, миллионы тонн нефти, присутствующей только в отчетах, десятки тысяч шкурок соболя и норки, наличествующих только в накладных, – и из этих несуществующих шкурок шили вполне реальные шубы, из невидимого кирпича строили замечательные, абсолютно видимые и ощутимые особняки.

То же самое происходит и сейчас, только на другом витке исторического развития, а значит, на другом уровне качества. И почему бы ему, Гоше Фиолетову, не влиться в эти толпы процветающих и не продать с большой выгодой для себя несуществующую картину? Тем более

что картина эта на самом деле существует – до вчерашнего дня ее многие видели, – и заинтересованные лица уверены, что сейчас картина у него, Гоши.

«Аристархов», – подумал Гоша.

В сложившейся ситуации ему нужен Аристархов.

Гоша вспомнил сегодняшний сон. Во сне он видел Аристархова. По всему выходило, что сон был в руку.

Андрон Аскольдович Аристархов, которого студенты, изошрявшиеся в остроумии, называли «А.А.А.» (при этом полагалось кряхтеть, как бабушка кряхтит внуку, сидящему на горшке), был самым богатым человеком в Академии художеств. Ездил Андрон Аскольдович на сверкающем черным лаком джипе «тойота-лендкрузер» с шофером – прямо как какой-нибудь крупный авторитет. Те, кому случалось побывать в квартире Аристархова, выходили оттуда с круглыми от изумления глазами, а на дачу к себе он от греха вообще никого не пускал.

Удивительное благосостояние профессора Аристархова базировалось не на его художественном таланте и не на денежных поступлениях от богатых зарубежных родственников. Профессор замечательно использовал свою основную специальность. Он преподавал в академии технику живописи, и чтобы получить зачет по его курсу, каждый студент должен был качественно скопировать какой-нибудь шедевр прошлых веков из коллекции Эрмитажа или Русского музея. Закончив копию и отмыв руки от краски, студент нес работу Аристархову, получал свой законный зачет и, облегченно вздохнув, отправлялся пить пиво в какое-нибудь недорогое заведение – по установленной традиции требовалось обмыть зачет с друзьями. Про свою курсовую работу студент никогда больше не вспоминал. А она, его курсовая работа, то бишь вполне сносная копия Рембрандта или Левитана, Мурильо или Боровиковского, благополучно всплывала в Париже или в Берлине, где приличные копии мастеров прошлого всегда в цене. Каналы вывоза копий за границу у профессора были надежно налажены, все нужные люди получали свою долю... кроме студентов. Но студенты получали положенные зачеты и больше ничем не интересовались.

Некоторые коллеги по Академии художеств пытались сунуть нос в аристарховский бизнес, но, получив по этому носу, быстро утешались старым изречением: «Каждому – свое».

Вот об этом-то профессоре Аристархове вспомнил в решающий момент Гоша Фиолетов. Дело в том, что Гоша иногда тоже был нужен Андрону Аскольдовичу, поскольку мог организовать для очередных студентов разрешение на копирование эрмитажных картин. От аристарховских денег Гоше перепали совершенные крохи, но он кое-что знал о пресловутом бизнесе. В частности, он знал, что один из студентов несколько недель назад копировал злополучную картину Клода Жибера. Очень возможно, что копия еще не покинула пределов России, не нашла своего хозяина, а в этом случае следовало незамедлительно ее приобрести. Приобрести любым способом.

Надо сказать, что в таком удивительном совпадении не было на самом деле ничего удивительного. Аристархов очень часто поручал своим студентам копировать картины французских художников середины и конца XIX века, далеких от импрессионизма, так называемую салонную живопись: он считал, что копирование их гладких, тщательно выписанных, лессированных холстов гораздо больше дает студентам, изучающим технику живописи, чем повторение размашистых выразительных полотен импрессионистов и постимпрессионистов.

Снаружи дверь квартиры профессора Аристархова наводила на мысль о дремучей запущенной коммуналке. Облезлая краска отставала слоями, пузырилась, на самом видном месте красовалась выразительная надпись, грязно-бурым аэрозолем сообщавшая о моральных и физических достоинствах некоей Катки. Дверь была шедевром маскировки: ни один уважающий себя вор-домушник не стал бы марать об нее руки, ему бы и в голову не пришло, что

за такой дверью может находиться одна из самых роскошных квартир Петербурга. Но если бы догадливый вор решил все-таки вскрыть эту дверь – он столкнулся бы с большими трудностями, потому что под обшарпанным дверным полотном скрывалась мощная сейфовая конструкция с массой всевозможных хитростей. В частности, даже открыв при помощи замысловатых отмычек два сверхсовременных замка, злодей был бы неприятно удивлен: дверь по-прежнему не шелохнулась бы, потому что существовал третий замок, без всякой замочной скважины, открывавшийся сквозь дверь инфракрасным лучом, как автомобильная сигнализация. На вопросы удивленных знакомых, не проще ли поставить в квартире сигнализацию, Аристархов хитро прищурился и говорил: «Душа моя, они-то сами и наведут грабителей, а потом разбирайся с кем хочешь!»

Профессор Аристархов был человек недоверчивый.

Гоша Фиолетов остановился перед знаменитой дверью и покачал головой. Бывать у профессора в квартире ему прежде не случалось, но о двери он слышал. Гоша нажал на кнопку звонка и приготовился ждать, учитывая сказочные размеры квартиры, но почти мгновенно за дверью раздались щелчки и скрипы открываемых запоров, и дверь медленно отворилась. Фиолетов удивился было тому, что его даже не спросили из-за двери, кто он такой, но тут же сообразил, что его наверняка осмотрели через видеокамеру, и, скосив глаза к потолку, увидел крошечный глазок, ловко спрятанный среди полуобвалившейся лепнины.

В дверях стояла маленькая старушка с личиком сморщенным, как печеное яблочко, – знаменитая Лизаветишна, домработница Аристархова и едва ли не его нянька. Сколько лет Лизаветишне – никто не знал, но старые преподаватели академии, помнившие ее еще в семидесятые годы, говорили, что с тех пор она нисколько не изменилась.

– Здравствуй, голубчик! – прошамкала старуха, окинув Гошу цепким, оценивающим взглядом. – Проходи, ждет. – И, посторонившись, пропустила гостя.

В просторном холле, куда попал Гоша, пол был выложен узорным, едва ли не дворцовым паркетом из ценных пород дерева. В углу, под гигантским зеркалом в стиле ампира, на резной консоли карельской березы красовалась небольшая статуэтка – Гермес, хорошая французская копия XVIII века с римского оригинала. Не задерживаясь в холле, Гоша пошел в указанном Лизаветишной направлении. Коридор был так длинен, что впору ездить по нему на мотороллере. Стены украшали бронзовые бра и немецкие гравюры начала XIX века. Наконец коридор закончился, и Гоша вошел в кабинет хозяина. Роскошь кабинета подавляла неподготовленного человека – старинные портреты в массивных рамах, мебель черного дерева, отделанная тисненой кордовской кожей, кожаные, с золотым тиснением, корешки книг...

Гоша постарался не пялиться на всю эту роскошь. Он прошел к столу. Аристархов поднялся ему навстречу, протянул руку. Красноватые глаза альбиноса смотрели весьма доброжелательно, на массивном выразительном лице стареющего римского патриция играла высокая улыбка.

– Ты, душа моя, на редкость точен... для представителя молодого поколения. И галстук у тебя под цвет фамилии. Ладно, душа моя, не обижайся на старика, говори, зачем хотел видеть.

– Такое дело, Андрон Аскольдович, – начал Гоша, растягивая слова и думая, как бы половчее подойти к старому живописцу.

– Ты не мямли, не мямли, не люблю, – поторопил Аристархов, – говори прямо, чего надо.

– Ваши ребятишки недавно работали у нас в Эрмитаже, на третьем этаже. Я еще помогал вам с разрешением... Тогда ведь Жиберы тоже копировали... Так у вас эта копия уже ушла?

– «Бассейн в гареме»? – Аристархов привстал, глаза его хищно загорелись, в массивной напряженной фигуре появилось что-то тигриное. – Гоша, душа моя, ты что там такое удумал? Мой старый красный нос чует запах денег!

– Андрон Аскольдович! – взмолился Гоша. – Неужели вам денег не хватает? У вас такой бизнес – дай Бог всякому! Неужели нужно отнимать у меня мою маленькую конфетку?

– Ну-ну, – усмехнулся Аристархов, – знаю я эти конфетки! Опасно играешь, душа моя! Кража из Эрмитажа – это громкое дело! Такого, пожалуй, никогда не было! Его будут серьезно копать, не дай Бог попадешь в поле зрения.

– Андрон Аскольдович, не будем о неприятном, давайте по-дружески: я у вас куплю эту копию – и расстанемся по-хорошему. И я вам всегда помогу с разрешениями на копирование... договорились? По глазам вижу, что договорились! И вам будет гораздо спокойнее: сами же говорите – игра становится опасной, около эрмитажной кражи лучше не суетиться, как бы тут и ваш бизнес не высветился... А так вы отдадите мне эту копию – и никаких проблем, знать ничего не знаете... Да вы сами посудите: теперь вывезти копию Жибера из страны практически невозможно, каждый мальчишка на таможне при виде этой картины сделает стойку и увидит себя в новых погонах!

– В твоих словах, душа моя, есть резон, – осклабился Аристархов, – но сам посуди: тебе эта картина нужна, ты явно собираешься сделать на ней хороший бизнес, как я могу такой случай упустить? Бог, дорогой Гоша, велел делиться, – наставительно продолжал Аристархов. – Так что я тебе копию, конечно, отдам, но не даром же, душа моя, не даром! Ну, можно сказать, почти даром: по старой дружбе уступлю за пятнадцать тысяч.

– Долларов?! – ужаснулся Гоша.

– Ну не эскудо же, душа моя.

– Андрон Аскольдович, побойтесь Бога! Что вы такое говорите? Да вы за такие деньги и в Париже ее не продадите! Настоящий-то Жибер ненамного больше стоит! А здесь вам никаких хлопот: ни вывозить, ни с таможней разбираться, ни покупателя искать. Получили деньги из рук в руки – и спите спокойно.

– Душа моя, я ведь прекрасно знаю, что ты наверняка уже нашел покупателя, значит, копия тебе нужна позарез. Плати, дорогой, или отваливай.

– Андрон Аскольдович, акула вы моя ненаглядная! Мироед мой сахарный! Вы же пожилой человек, профессор, почему же вы так выражаетесь? «Отваливай» – это слово не из вашего лексикона. И такая хватка, простите меня, тоже вам не к лицу. В вашем возрасте пора бы и о душе подумать!

– Ну, душа моя, я сказал. Хочешь картину – плати.

– Ну посудите сами! Подлинный Жибер в лучшем случае стоит пятьдесят – шестьдесят тысяч! Сейчас вокруг него скандал, за настоящую цену его никто не купит, в лучшем случае какой-нибудь сумасшедший заплатит тысяч двадцать. А у вас же как-никак копия! Ну поймите совесть!

– Душа моя, – профессор Аристархов откинулся на спинку кресла и, полувзглядывая глазами тяжелыми веками, следил за Фиолетовым, как старый пресыщенный кот следит за несчастной затравленной мышью, – душа моя, копия у меня, она тебе нужна. Даже если ты продашь ее за двадцать штук – все равно немножко на ней наварись. Так что соглашайся, других предложений не будет.

Гоша посмотрел на Аристархова с уважительной ненавистью и сказал:

– Ах вы, живоглот недорезанный! Хотел с вами по-хорошему договориться, думал, дам вам заработать лишнюю копейку и сам побыстрее вопрос решу. Но раз уж вы так настроены – оставайтесь при своей мазне. Художников безработных пруд пруди, они мне за гроши с репродукции копию сделают! Прощайте!

Гоша сделал вид, что встает и собирается уходить. Аристархов открыл глаза и взглянул на Гошу так, как будто увидел его впервые.

– Растешь, растешь, душа моя! Ну и сколько бы ты предложил старику, чтобы... закрыть побыстрее свой вопрос?

– Максимум две тысячи! – отрезал Гоша, почувствовав отчетливый перелом в ходе разговора.

– Ну возьми себя в руки! – возмутился Аристархов. – Такие цифры называть в моем кабинете просто неприлично!

– Вы торгуетесь, как извозчик! – Теперь уже Гоша посматривал на профессора с чувством превосходства. – Скоро бросите на пол шапку и будете ее топтать. И знаете еще что, Андрон Аскольдович? Вы забыли прибавить «душа моя». Хотите две тысячи – берите, не хотите – я ухожу. Другой цифры вы от меня не услышите.

На самом деле Гоша готов был заплатить три тысячи – это были все его сбережения, и он принес эти деньги во внутреннем кармане пиджака, но, почувствовав, что Аристархов сдастся, решил стоять на своем.

– Ладно, душа моя, грабь, убивай... Только ради нашей старой дружбы!

Аристархов встал из-за стола, подошел к одному из книжных шкафов. Достав из кармана связку ключей, поколдовал над одной из книжных полок шкафа, загородив ее своим массивным телом. Шкаф неожиданно отъехал в сторону, открыв проход в небольшую кладовку. Аристархов покосился на Гошу и шагнул в открывшийся проем. Гоша с любопытством наблюдал за ним, но ничего разглядеть со своего места не сумел. Через полминуты профессор вернулся, держа в руке свернутый в трубку холст.

– Вот, душа моя, твой Жибер, и помни мою доброту!

Гоша отсчитал двадцать сотенных купюр с портретом президента Франклина, Аристархов демонстративно проверил каждую на ультрафиолетовом детекторе.

По дороге домой Гоша остановил машину возле малоприметной подворотни на Московском проспекте. Взяв сумку с заднего сиденья, зашел во двор, толкнул дверь с надписью «Срочное фото». На скрип двери из-за занавески вышел коренастый плотный грузин с трехдневной щетиной на подбородке. Увидев Гошу, он широко улыбнулся:

– Привет, генацвале, давно не заходил!

Фотограф закрыл дверь на замок, повесив на нее табличку «Технический перерыв». Гоша зашел за занавеску и поставил на маленький обшарпанный столик бутылку коньяку.

Хозяин фотоателье Шота Джинчарадзе был старинным Гошиным приятелем, они учились вместе в старших классах школы. Шота приехал с родителями в Петербург, тогда еще Ленинград, из Батуми – влажного и жаркого мандаринового рая. Они быстро подружились с Фиолетовым, их сблизила общая страсть к «тяжелому металлу», они обменивались дисками, переписывали друг у друга «АСДС» и «Металлику». После школы их пути разошлись, Гоша занялся искусствоведением, а Шота вместе с отцом работал в доставшейся им от родственника маленькой частной фотографии. В девяносто пятом году Шота в одночасье схоронил обоих родителей – отец умер от опухоли в мозгу, а мать просто не смогла пережить смерть любимого мужа. Шота остался один, работал по-прежнему в фотографии. Гоша Фиолетов навещался к нему время от времени, по старой памяти они слушали «металл», вспоминали школьные годы и выпивали рюмку-другую.

– Шота, дружище, есть у тебя надежное место? Мне нужно на некоторое время спрятать одну вещь.

Шота с любопытством взглянул на друга:

– Как не быть? Сам понимаешь, я тут один, как памятник на площади, у всех на виду: то рэкет налетит, то налоговая, не к ночи будь помянута. Конечно, надо иметь надежное местечко... Большую вещь спрятать надо?

Гоша расстегнул сумку и вынул завернутый в холстину рулон. Шота кивнул. Он включил настенное бра и выключил освещавший его маленькую комнатку потолочный светильник. Затем он встал на табуретку и повернул плафон светильника вокруг оси. Плафон отъехал в сторону, открыв в потолке пустоту вроде маленькой потайной антресоли. Там лежали какие-то бумаги. Шота взял у Гоши сверток, убрал в тайник и вернул плафон на место.

– В разных местах искали, – сказал он, слезая с табуретки, – стены простукивали, пол поднимали, но на лампу никто не смотрел – глазам больно. Ну, генацвале, как живешь? – И Шота поставил на стол два стакана.

Безобидный вопрос приятеля почему-то расстроил Гошу. Он выпил залпом полстакана коньяку и с горечью уставился на обшарпанную стену фотоателье.

Как он живет? Ему неожиданно стало жалко себя, жалко до слез. Собственная жизнь показалась ему такой же жалкой и обшарпанной, как эта стенка в неровных потеках масляной краски. Да, он работал в Эрмитаже, тысячи искусствоведов во всем мире мечтают о такой работе... Да, он сумел защитить кандидатскую диссертацию на тему портретной живописи Робера Лефевра... Но при всем том он перебивался на нищенскую зарплату в семьдесят долларов, которую просто неприлично было бы назвать какому-нибудь зарубежному коллеге... Он ни разу не был в Италии – а как можно изучать искусство, не побывав в этой его колыбели, не пожив несколько месяцев во Флоренции, не изучив как свои пять пальцев каждый зал Уфици и академии, каждое здание на пьяцца Синьории и Калимала... Не как турист промчаться галопом по сказочным городам Ломбардии и Тосканы, а жить там, ходить не торопясь по их булыжным мостовым, встречать рассвет на берегу Тибра и Арно, пить кофе на площади Святого Марка и кьянти в уличном кафе напротив Церкви-на-Арене... Да что там, изучая французскую живопись, он даже не был в Лувре!

– Что пригорюнился, генацвале? – Шота хлопнул Гошу по плечу и подлил в его стакан коньяку. – Все пройдет!

«Да, – подумал Гоша, – все пройдет. Жизнь вообще коротка, и одним достаются в ней цветы, а другим только шипы».

Он вспомнил кривоногого Мусу с холодными трезвыми глазами и подумал, что тот на одну пьянку может выбросить столько денег, сколько Гоша зарабатывает за год... А может быть, и больше.

«Ничего, – подумал он, – я заставлю вас заплатить».

Он понимал, что играет с огнем, что с такими людьми, как Муса, не шутят, но отступить уже не мог. Не мог и не хотел.

Гоше пришлось оставить машину во дворе возле фотоателье и добираться до дома на частнике. Когда он, слегка покачиваясь и вполголоса напевая старинную аджарскую песню, поднялся к двери своей квартиры, его кольнуло нехорошее предчувствие. Что-то было явно не так.

Когда он открыл дверь, о предчувствиях можно было не говорить: не так было абсолютно все. Трудно было бы сказать, что было так.

Квартира была перевернута вверх дном. Все книги из книжных шкафов были выброшены на пол, а сами шкафы выдвинуты на середину комнаты. Одежда из платяного шкафа валялась на ковре вперемежку с черновиками кандидатской диссертации и старыми газетами. Диван вспорот. На кухне было не лучше – из пеналов и шкафчиков вытряхнули все содержимое, точно так же обошлись с холодильником.

«Слава Богу, – подумал Гоша, – что искали картину, а не бриллиант: по крайней мере не высыпали из банок крупы и кофе».

Злость при виде учиненного разгрома смешивалась у него в душе со злорадным торжеством: незваные гости ничего не нашли, да и не могли ничего найти. Трудно найти черную кошку в темной комнате, особенно если ее там нет!

Прежде чем начать уборку, Гоша набрал номер мобильного Джека и сказал:

– Я ведь тебе говорил, что картина надежно спрятана. Какого черта вы у меня рылись? Я могу рассердиться и отказаться от нашего сотрудничества.

– Что такое, в чем дело? – залепетал Джек. – О чем ты, Гошка? Что-то случилось?

– Случилось, – усмехнулся Фиолетов, оглядывая многострадальную квартиру, – и не делай вид, что вы с Мусой тут ни при чем.

– Да я ему говорил, – занял Джек, на ходу сменив тактику, – говорил, чтобы он не совался... да разве ж он послушает?

– Так вот, пусть теперь послушает! – рявкнул Гоша. – Если еще что-то такое задумает... я... я к Штабелю пойду! Это его тема. Он твоему Мусе грабли пооборвет!

Упоминание легендарного Штабеля, уголовного авторитета, контролирующего антикварный бизнес в городе, так подействовало на Джека, что он надолго замолчал, несмотря на дороговизну мобильной связи. Наконец, когда Фиолетов уже подумал, что их разъединили, Джек выдал:

– Не вздумай обращаться к Штабелю! Я с Мусой поговорю, ты не беспокойся, это не повторится.

– То-то! – отчеканил Гоша, подумав, не переборщил ли он. – Вы лучше занимайтесь своим делом, я что-то ничего не слышал в новостях о цене картины. Вы ведь обещали подслушаться?

– Не беспокойся, нашли солидного козла, в вечерних новостях будет. Включи телик в полвосьмого...

Действительно, когда Гоша включил вечерние новости, ведущая в самом начале выпуска сообщила:

«– Весь город обсуждает беспрецедентную кражу картины из Эрмитажа. Только что к нам в студию приехал представитель пресс-службы Городского управления внутренних дел майор Бекасов».

В кадре появился довольно молодой, но уже здорово мордатый мужик в штатском с маленькими глазками, которые смотрели одновременно во все стороны.

«– Мы понимаем возмущение общественности города, – начал майор хорошо поставленным голосом, – и сами испытываем такое же глубокое возмущение по поводу варварской кражи. Неизвестный злоумышленник поднял руку на самое святое, на произведение искусства, являющееся всенародным достоянием. Клод... Жибер, – при этих словах майор чуть заметно скосил глаза, видимо, сверился с бумажкой, чтобы не ошибиться с фамилией художника, – Клод Жибер – выдающийся французский художник второй половины девятнадцатого века, его картины очень ценятся во всем мире. Украденная из Эрмитажа картина «Бассейн в гареме» оценивается специалистами примерно в миллион долларов, и это еще заниженная оценка...»

«Интересно, майор, – подумал Гоша Фиолетов, – сколько же тебе заплатил Муса? Нет, ты точно далеко пойдешь! Полковничьи погоны по тебе уже плачут!»

Дальше смотреть было уже неинтересно, и Гоша выключил телевизор.

– Шеф! – раздался в мобильнике голос рыжего Толяна, неумного, но исполнительного парня. – Шеф, тут телка одна ценный базар несет, может, послушаешь?

– Что за базар? – лениво поинтересовался Штабель.

Он не очень верил в то, что Толян Рыжий способен откопать что-нибудь по-настоящему интересное.

– Ну вот, ты говорил, если что услышим про ту картину, которую из музея сперли...

– Веди! – коротко приказал Штабель, мгновенно напрягшись.

Сергей Шустов, известный уголовной общественности как Штабель, в свои тридцать пять лет сумел достичь многого. Он контролировал почти всю торговлю антиквариатом в городе и добился того, что почти никто из его коллег-авторитетов не лез в этот высокодоходный бизнес.

«Знаешь, почему меня кличут Штабелем? – любил спросить он у нового знакомого. – Потому что я врагов в штабеля складываю... складываю, а потом – бензопилой – вжик, вжик!» Штабель смеялся резким скрипучим смехом, но его маленькие, глубоко посаженные глазки

оставались холодными и мрачными, заставляя собеседника вздрогнуть, словно на него повеяло могильным холодом.

Услышав несколько дней назад о краже картины из Эрмитажа, Штабель удивился: история выглядела как-то глупо. Продать вещь из Эрмитажа почти невозможно, всякий ее опознает, да и картину-то взяли какую-то несерьезную... По крайней мере Семен Борисович Эрлих, придворный консультант Штабеля, сказал, поморщившись, что художник так себе и вещь не из дорогих. Однако все равно это был непорядок: если в городе происходило что-то заметное, связанное с произведениями искусства или с антикварными ценностями, Штабель должен был все знать.

Когда же через день по телевизору выступил человек из управления внутренних дел и заявил, что украденная картина стоит миллион долларов, Штабель всерьез забеспокоился.

– Семен, – обратился он к Эрлиху, буравя того своим тяжелым взглядом, – я тебя что – зря держу? Ты же сказал – это туфта, а тут – лимон баксов!

– Сережа, я вас умоляю! – Эрлих усмехнулся одними губами. – Мы, кажется, знакомы уже немножко давно. Я вас когда-нибудь уже обманывал? Если я сказал, что картина стоит пятьдесят тысяч, она может еще стоить пятьдесят одну, ну еще пятьдесят две, но уже пятьдесят пять – это ни Боже мой!

Штабель кивнул: Эрлиху можно было верить в таких делах.

Штабель задумался: кто-то явно крутил интересную аферу, а он, Штабель, был не при делах. Это было неправильно. Собрав всех своих приближенных, он распорядился слушать, смотреть, разнюхивать, не появится ли в городе какая-то информация об украденной картине.

И вот звонок Толяна.

Не прошло и получаса, как Рыжий появился в бильярдной на Петроградской стороне, которую Штабель использовал в качестве оперативного офиса. С ним пришла худощавая шатенка с темными живыми глазами, серьезный и незащитный вид которой выдавал в ней высокооплачиваемую проститутку.

– Женя, – представилась шатенка.

Штабель посмотрел на нее с интересом: умные глаза, редкое по нашим временам имя...

– Ну и что ты, Женя, хочешь мне рассказать?

– Работали мы с подругой неделю назад в бане на Марата...

– Ровно неделю? – уточнил Штабель.

– Ровно неделю, – подтвердила Женя, – двадцатого.

«То есть за два дня до кражи», – мысленно отметил Штабель.

– Так вот, был там один нищий профессор из Эрмитажа... ну не совсем профессор, но вроде того. Так вот, он когда выпил, начал хвалиться, что может оттуда вынести любую картину. Что сигнализации почти нигде нет и украсть что угодно – пара пустяков, особенно для своих... Конечно, чего мужик не наболтает по пьянке, особенно перед девочками, но картину-то действительно украли, и прямо через два дня после этого разговора! Вот я и подумала...

– Это ты молодец, что подумала, – прервал ее Штабель, – думать полезно, склероза не будет. А что за мужик-то, профессор этот, – старый?

– Да нет, – промурлыкала Женя, слегка замаслив глазки, – молодой, симпатичный.

– А звали как его, не запомнила?

– Звали Гоша, а гулял тогда Муса – татарин такой кривоногий, усатый... Только вы ведь понимаете, меня убьют, если Муса узнает, что я вам все это рассказала...

– Не бойся, – Штабель посмотрел на нее серьезно, – я тебя прикрою, ты девочка умная. Ты мне годишься. Я умных люблю.

– Я знаю, – Женя скромно потупилась, – я потому Толику и сказала, что хочу с вами встретиться.

Вася Аникеев, племянник покойного Антона Филаретовича, при жизни известного коллекционера произведений искусства, вошел в антикварный салон на Литейном и, махнув рукой узнавшему его охраннику, прошел в кабинет директора. Артур приподнялся из-за стола и протянул гостю пухлую безвольную ладонь. Вася, будучи наследником большой коллекции, был очень перспективным клиентом.

Конечно, он не успел еще вступить в права наследования, оформить документы и заплатить налоги на наследство, но все это было только вопросом времени.

– Чем могу помочь, Василий Иннокентиевич? – осведомился Артур с точно отмеренной дозой подбострастия в голосе.

– Да вот, – Василий открыл кейс и вынул оттуда небольшой предмет, завернутый в шелковый платок, – понимаете, Артур, с наследством сплошные проволочки, а мне деньги срочно нужны. Так вот подумал: может быть, вы возьмете. – Он развернул платок, поставил на стол невзрачную темно-коричневую чашку и пояснил: – Дядин подарок, японская чашка для чайной церемонии... шестнадцатый век вроде бы.

Артур плотоядно облизнулся и взял чашку в руки.

– Да, неплохая чашечка, – негромко приговаривал он, поворачивая чашку разными боками к свету настольной лампы, – и сколько бы вы за нее хотели?

– Дядя говорил, что она стоит тысяч пятьдесят, – проговорил Вася, скромно потупившись, – но вам по старой дружбе я уступил бы ее за тридцать...

– Долларов? – Артур взглянул на Васю с уважительным интересом.

– Ну не крузейро же. – Вася смотрел несколько обиженно.

Артур еще раз взглянул на чашку и вдруг вспомнил, где он видел ее раньше. Он тут же протянул ее Василию и сказал сухо и поспешно:

– Простите, у меня сейчас нет таких денег.

– Если вам дорого, я могу еще сбросить цену, – залепетал Вася, утрачивая почву под ногами. – А за двадцать тысяч вы ее возьмете?

– Нет-нет, – решительно отмахнулся Артур, – у меня сейчас нет интереса к японской керамике. И извините меня, Василий, ко мне сейчас придет очень важный клиент...

«Важный клиент у него, – обиженно думал Вася, шагая по Литейному, – а я, значит, уже не важный клиент... Ну ладно, Артурчик, припомнишь ты у меня эту чашку! Я тебя к дядиной коллекции и близко не подпущу! Но черт возьми, где же сейчас денег достать?»

Артур, едва дождавшись, когда Василий уйдет из салона, снял телефонную трубку, набрал номер и, услышав женский голос на другом конце провода, торопливо сказал:

– Зоя Михайловна, у меня только что был Васяка Аникеев. Он предлагал мне чашку, «черный раку». Я сразу узнал керамику вашего батюшки.

– Василий Иннокентиевич? – Голос Артура в телефонной трубке был напряженным и заискивающим. – Это Артур.

– Да, я узнал, – сухо ответил Аникеев.

– Василий Иннокентиевич, я хотел бы еще раз поговорить о той японской чашке... Я нашел покупателя. Мы могли бы встретиться сегодня вечером?

Василий почувствовал радость и торжество: залезбил Артурчик, задержался! Хотелось отказать ему, унизить за ту прежнюю сцену в салоне, но деньги были очень нужны, и ответил согласием.

– Только не у меня в салоне. Приходите в семь в китайский ресторан напротив метро «Чкаловская». Столик будет заказан на вашу фамилию.

Ровно в семь Василий открыл тяжелую деревянную дверь ресторана, назвал свою фамилию, и миниатюрная китаянка с фарфоровым кукольным лицом провела его к столику, накрытому на троих.

– Ваши друзья скоро придут! – прошептала она, изящно поклонившись. – Вы будете делать заказ или подождете?

Вася попросил бутылку минеральной.

Минут через пять дверь снова открылась, и в ресторан вошли два посетителя – мужчина и женщина. Увидев женщину, Вася испытал легкий шок: высокая худощавая брюнетка с резкими, нервными чертами лица... Ошибки быть не могло: это Зоя, падчерица дядиноного приятеля коллекционера Левантовича. Почему она здесь? Неужели это совпадение?

Но Зоя уверенно шла к его столику. Сволочь Артурчик! Выходит, он натрепал Зое про чашку!

Василий перевел взгляд на Зоиноного спутника. Худая, костистая фигура, тяжелый взгляд маленьких, глубоко посаженных глаз выдавали в этом человеке силу и уверенность. Вася почувствовал холодок в позвоночнике. Подставил Артурчик, ох подставил!

Зоя отодвинула стул, села напротив Василия, уставилась на него с усмешкой:

– Ну здравствуй, Вася, давно не виделись.

Ее костлявый спутник молча сел рядом, откинулся на спинку стула и закурил, разглядывая Васю скучающим наглым взором.

– Здравствуйте, Зоя, – ответил Василий с нервной обидой в голосе, – я вообще-то здесь встречу назначил...

– Не хами девушке, – проговорил костлявый скрипучим, неприятным голосом.

Зоя оглянулась на своего спутника с легкой улыбкой и снова повернулась к Василию:

– Не волнуйся, Вася, это со мной у тебя встреча. Точнее, с нами. Ты ведь, кажется, не знаком с Сергеем?

– Штабель, – представился костлявый, ослабившись. Это прозвучало так, как будто он сказал: «Бонапарт». Впрочем, в определенных кругах имя Штабеля звучало достаточно громко и значительно.

Василий похолодел: знаменитый авторитет контролировал всю торговлю антиквариатом в городе. Понятно, что Артур беспрекословно выполнил его распоряжение – подставил Василия... Кто ему Вася? А Зоя, выходит, в приятельских отношениях с этим уголовным князьком...

Вася взял себя в руки, откашлялся и спросил:

– Чем же я обязан нашей встрече?

– Чашечка, Вася, чашечка, – проворковала Зоя. – Как она к тебе попала?

Василий почувствовал, как вспотели его ладони. Как, однако, скверно получилось с этой чашкой! И угораздило же его прихватить этот старый черепок! Знал ведь, что дядя получил эту керамику от Левантовича... Загипнотизировала названная стариком цена – пятьдесят тысяч, не смог устоять...

– Дядя подарил эту чашку мне, – наконец ответил он как можно спокойнее, – а ему подарил ее ваш отчим.

Зоя кивнула, чуть заметно улыбнувшись:

– Очень может быть. Старый дурак подарил «черный раку» своему приятелю, такому же чокнутому, как он сам. Одно плохо, Васенька: он мог подарить чашку твоему дяде только накануне смерти Антона Филаретовича, потому что днем раньше чашка еще была на месте, я ее видела. А тогда объясни-ка мне, дружок, когда твой дядюшка успел сделать тебе этот ценный подарок? Ведь, согласно протоколам допросов, ты последний раз видел своего родственника за четыре дня до смерти. Вот ведь какая удивительная история!

Вася вжался в спинку стула. Вот стерва! Даже с протоколами допроса смогла ознакомиться! Сожрет, зараза, сожрет с потрохами! Ну угораздило же его так подставиться с чашкой!

– Чего вы хотите? – упавшим голосом спросил Василий.

– Ты не думай, парень, – раздался скрипучий голос Штабеля, – мы тебя не обидим. Ты девушке чашку-то отдай...

– Да, конечно, – суетливо забормотал Василий, – конечно, что за вопрос... Сейчас-сейчас, одну минутку...

Он полез в кейс, замки никак не поддавались трясущимся рукам.

– Не спеши, парень, – проскрипел Штабель, – что-что, а время у нас есть. Это еще не все. Девушке ты отдашь чашку – это только справедливо, чашка ее, – а мне ты отдашь Шагала.

– Какого Шагала? – Вася поднял на Штабеля удивленный взгляд.

– Дядиногo Шагала. – Штабель криво усмехнулся: – Или ты уже забыл покойного Антона Филаретовича? «Скрипач на крыше», масло, холст размером 60 на 72 сантиметра, хорошая вещь.

– Да... вы знаете... просто не знаю, как вам объяснить, – залепетал Василий, – я еще не вступил в права...

– И не вступишь, – холодно обрезал его Штабель, – если со мной играть вздумаешь, ни в какие права ты не вступишь. Ты что думаешь, я не знаю про завещание?

Вот теперь Вася действительно испугался. Откуда этот страшный человек знает о дядином завещании, о том, что старый козел оставил всю свою коллекцию музею? Вася тщательно скрывал эту информацию, поскольку его кредиторы ослабили свою хватку, ожидая, когда он получит наследство, больше того, все бизнесмены, связанные с торговлей антиквариатом и произведениями искусства, после дядиной смерти заигрывали с Василием как с богатым наследником. Стоило только просочиться хотя бы намеку на то, что Вася не наследник, и он никому больше не будет нужен, а кредиторы разорвут его на куски... Очевидно, дядя, этот старый скупердяй – ой, нехорошо про покойника, – все же колебался насчет наследства и не сказал никому в музее о своей последней воле, иначе бы сразу же после его смерти набегали музейные работники, чтоб они все провалились. И вот, оказывается, этому бандиту все известно...

Вася поднял на Штабеля побелевшие от страха глаза. Авторитет смотрел на него в упор, нагло усмехаясь.

– Что, испугался? – проскрипел он, чуть склонив голову набок. – А ты не бойся. Если ты со мной по-хорошему, я с тобой тоже по-хорошему. Отдашь Шагала – получишь наследство.

– Как? – удивленно вскрикнул Вася. – Ведь завещание... Копия у нотариуса...

– Ох! – Штабель откинулся на спинку стула и захохотал скрипучим, неприятным смехом. – Ох! Ну ты ровно младенец! Если мы с тобой договоримся – завещания не будет. Ни у нотариуса, нигде. Ты – единственный родственник, ты все и получишь. Но только учти, парень: продавать вещи только через меня... тем, на кого я покажу. А я тебе помогу: нотариус у меня карманный, не пикнет. И с налогом на наследство разберешься по минимуму, мой лепила – юрист то есть – все тебе обскажет, как делать, и бумаги приготовит нужные. Ты, парень, только одно усвой: если хочешь на этом свете жить – играй по моим правилам. А сейчас чашку-то девушке отдай.

Василий слушал Штабеля, совершенно забыв, на каком он свете. Вздвогнув и как бы очнувшись от его последних слов, он торопливо открыл кейс и отдал Зое завернутую в шелковый платок чашку. Зоя развернула платок, оглядела невзрачный сосуд, удовлетворенно кивнула и спрятала «черный раку» в свою сумку. После этого, не говоря ни слова, она встала и пошла к выходу. Штабель еще какое-то время посидел за столом, гипнотизируя Василия своим тяжелым взглядом, затем встал, положил на стол сторублевую бумажку и золоченую визитную карточку.

– Все понял? – как бы не спросил, а утвердил он. – Вот тебе сотня, девчонке заплати... у тебя денег-то нет. Ты, правда, ничего и не заказывал, но что-то им дать нужно... А я эту азиатскую стряпню никогда не ем, не люблю. На визитке – мой телефон. Жду звонка.

С этими словами авторитет развернулся и пошел вслед за Зоей Михайловной.

Вася смотрел ему вслед с двойственным чувством: с одной стороны, Штабель почти не угрожал ему и даже предложил помочь получить дядино наследство. С другой стороны, Василий почувствовал, что попал к авторитету в капкан и железные зубья защелкнулись. Теперь он в руках у Штабеля и не сможет без его разрешения даже пальцем пошевелить.

Телефонный звонок раздался вечером, когда мама гладила под телевизор, а Лена пыталась делать математику, скашивая глаза на экран.

– Ты слышала новости по телевизору? – раздался в трубке ликующий голос.

– Нет, а что? – У Лены екнуло сердце, потому что она узнала голос, несмотря на совершенно новые интонации.

Разумеется, это был Денис, а она-то надеялась, что никогда с ним больше не встретится. Всю дорогу из Эрмитажа она убеждала его, что все происшедшее очень серьезно, что ему следует молчать о картине и вообще забыть все происшедшее и Лену заодно. Они расстались спокойно.

– Так слышала ты новости?

Не слышать про кражу картины из Эрмитажа было невозможно – об этом трубили все программы телевидения и писали все городские газеты. Но сегодня, очевидно, было что-то новенькое, Лена догадалась об этом по интонации Дениса.

– Не вздумай говорить об этом по телефону, – тихо сказала она в трубку.

– Тогда спускайся во двор, я тебя жду! – закричал он. – Жду пять минут, потом сам приду!

– Мама, я ненадолго! – крикнула Лена, зашнуровывая ботинки, и захлопнула дверь, чтобы не слышать возражений.

На улице шел дождь со снегом, но Денис этого не замечал. Он стоял в распахнутой куртке, и глаза его горели желтым огнем, как у кота.

– Ты слышала? Картина, которую мы украли, стоит миллион долларов! – закричал он.

– Замолчи! – Она тоже повысила голос. – Ты что не понимаешь, что ведешь себя глупо?

– Я слышал... только что, один там говорил, что эта картина стоит миллион! Ты представляешь: я украл миллион!

– А ты представляешь, какой срок ты получишь за этот миллион! – прикрикнула Лена. – Если сейчас же не успокоишься, то я ухожу, и не смей больше звонить.

Лена поняла, зачем он пришел, она видела, что его прямо-таки разбирало желание поговорить о краже, но все же нужно было соблюдать осторожность. Он был горд и крайне доволен собой. Лене стало противно.

– Хорошо, я буду осторожен, – наконец заговорил он и поежился. – Холодно, пойдем в кафе.

Лена поняла, что если она откажется, то он пойдет в кафе один, может выпить там и начнет болтать. И кто знает, как воспримут окружающие эту его болтовню? Вдруг кто-то поверит? Придется тащиться с ним и стеречь, чтобы не трепался с кем ни попадя. Но надолго ли ее хватит? Лена в который раз ощутила, как люто она ненавидит этого парня. Если бы его арестовала милиция, она ничего не имела бы против, даже порадовалась бы. Но ведь он обязательно потянет ее за собой, такой уж мерзавец. Какой позор! Девочка из приличной семьи украла в Эрмитаже картину! Мама этого не переживет.

Денис привел ее в небольшое, но оживленное кафе. Его там знали, потому что сразу шумная компания закричала из угла:

– Эй, Граф, двигай к нам!

– Это меня так называют – Граф, – объяснил Денис, как будто Лена сама не поняла, кого сильно выпившие ребята имеют в виду. Еще она поняла, что он сам выбрал себе кличку, не дожидаясь, пока это сделают другие. Тогда могло прилипнуть что-то обидное, а так – Граф, солидно.

«А еще врал, что ему наплевать на других, что все равно, как о нем думают!» – со злостью подумала Лена.

Господи, и за что ей все это?

На повторное приглашение Денис презрительно отмахнулся. Поскольку все столики были заняты, они сели на два табурета у стойки бара. Бармен, весьма упитанный молодой человек с длинными черными волосами, которые от обилия геля казались просто сальными, сразу же произвел на Лену самое неприятное впечатление. Он кивнул Денису и по Лене скользнул равнодушным взглядом, она немного успокоилась: в конце концов, перед барменом проходят сотни людей, он не обязан к каждому хорошо относиться. Но этот человек ей сразу не понравился.

– Что мы тут делаем? – вполголоса спросила Лена, сделав глоток какого-то пойла, которое бармен называл коктейль «Ла Валетта».

– Ждем одного нужного человека, – кратко ответил Денис.

– Какого человека? Что ты еще задумал?

– А то, что свои мысли по поводу того, что картину нужно вернуть, можешь засунуть себе в задницу! – грубо ответил он, и Лену передернуло. – Если уж те, в Эрмитаже, оказались такими лопухами, что позволили увести картину из-под носа, то обратно они ее не получают.

– Не собираешься ли ты ее продавать? – догадалась Лена. – Ты представляешь, каким образом можно продать картину, украденную из Эрмитажа?

Тут обостренным чутьем Лена заметила, как бармен оглянулся, и глаза его блеснули вниманием.

– В любом случае здесь нельзя говорить об этом, – напомнила она.

– Да кому здесь до этого дело? – отмахнулся Денис.

Она, конечно, не специалист, раздумывала Лена, и не разбирается в ценах на картины. Но миллион долларов – это огромные деньги. И, исходя из простого здравого смысла, недопустимо, чтобы картина стоимостью миллион долларов даже не была на сигнализации. И охраняла эти картины только тетка с отекающими ногами. Если одна наугад взятая из того зала картина стоит миллион долларов, то отчего бы и другим не стоить столько же? Получается абсурд, или же в Эрмитаже все поголовно идиоты. Что-то тут не то.

Но как объяснить Денису то, что Лена и сама пока не может понять?

Она снова поймала на себе заинтересованный взгляд бармена, который ей очень не понравился.

– Давай уйдем отсюда! – попросила она, наклонившись к самому уху Дениса.

– Подожди, он сейчас придет!

– А куда ты дел картину? – Она еле шевелила губами, а издали казалось, что девушка нежно теребит ухо своего приятеля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.